

Тайны
и легенды
большого
города

Читайте романы
КСЕНИИ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ
в серии
«ТАЙНЫ И ЛЕГЕНДЫ
БОЛЬШОГО ГОРОДА»

Мистическая Москва

*КЛЮЧ ОТ БИБЛИОТЕКИ
ИВАНА ГРОЗНОГО*

Мистическая Москва

БАШНЯ ЯКОВА БРЮСА

Мистическая Москва

*ТАЙНА ДОМА НА
НАБЕРЕЖНОЙ*

КСЕНИЯ
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Мистическая Москва

*Тайна
дома
на набережной*

ЭКСМО
МОСКВА

2014

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р 62

Оформление серии *Е. Савченко*

Рождественская, Ксения.

Р 62 Мистическая Москва. Тайна Дома на набережной : роман / Ксения Рождественская. — Москва : Эксмо, 2014. — 384 с. — (Тайны и легенды большого города).

ISBN 978-5-699-73887-8

Актрисе Маргарите Торовой повезло, она живет в самом центре Москвы в знаменитом Доме на Берсеневской набережной, и вот уже третий месяц к ней в гости приходит... привидение. Женщина в панике и, кажется, сходит с ума. Тогда ее муж обращается за помощью к историку Александру Степанову, который уже разбирался в подобных удивительных случаях. Вместе со своей подругой Людмилой, офицером полиции, Саша берется за дело. Им непременно нужно выяснить, кто такая девушка в белом платье, с венком из ромашек на голове? И почему призрак преследует именно актрису Торову? А тем временем мистические события в Доме на набережной продолжают — сначала одно, затем второе самоубийство, вскоре находят труп и третьей соседки Маргариты по проклятому дому. Все так необычно, так зыбко... Неужели здесь и правда бесчинствуют потусторонние силы?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-73887-8

© Рождественская Ксения, 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ГЛАВА 1

1937 год

Анна оторвала голову от подушки и прислушалась. Какое странное чувство — словно за тобой наблюдают чьи-то невидимые глаза. Наверное, это из-за переутомления.

Она в последнее время слишком много работает. Так нельзя. И мама говорит то же самое. А вот папа, который всегда считал, что только труд способен облагородить человека, дочку поощряет. И ее, Аню, воспитывает в том же духе. Может, поэтому она и отдает всю себя нелюбимой, но очень нужной работе. Ведь что может быть благородней профессии врача? Да ничего! В этом она уверена.

С детства Анна боялась крови. А еще терпеть не могла слюней и слез, то есть всего того, чем славятся милые взрослому сердцу карапузы. Хорошо, что у нее нет ни братьев, ни сестер. Хотя от старшего брата Аня бы все-таки не отказалась.

В общем, обладая всеми этими качествами, она выбрала профессию педиатра. Ни больше ни меньше. Хотя, будь на то ее воля, стала бы хирургом. Но больницы нуждаются в детских докторах, и милая старушка, принимая у Ани документы в медицинский институт, уговорила ее выбрать именно такую специальность.

Анна потом долго удивлялась, почему послушала старушку и пошла осваивать нелюбимую профессию, но тогда размышлять было некогда — с утра лекции, вечером подработка в военном госпитале. Да и папа спуска не давал. В недавнем прошлом армейский командир, он привык просыпаться в пять утра и ложиться после полуночи. Мама так не умела. Она работала в столовой госпиталя и шла домой строго по расписанию. Глядя на осунувшуюся дочь, торопливо заталкивающую в себя ужин, мама качала головой и ворчала:

— Ох, Анька, не доведешь ты себя до добра. Где это видано, чтобы спать всего четыре часа в день? И ладно, если бы была необходимость...

— Необходимость есть, — отвечала Анна. — Мне нужно приобретать практические навыки. Иначе какой из меня врач получится? И потом, папа всю жизнь так живет, и ничего, дюжит...

— Что ты сравниваешь себя и здорового мужика? Да твой отец до ста лет в таком темпе выдержит. На то он и мужчина. У мужиков другой интерес, они живут любимым делом. А мы, женщины, должны им эту возможность предоставлять. Да и природа наградила нас другой конституцией. Мы мягче, слабее, выдержка у нас совсем не та.

— Это ты о себе говоришь, мама? — усмехалась Анна. — Поверь мне, не каждая женщина слаба, и не каждый мужчина вынослив. Все зависит от характера.

— «От характера», — передразнивала ее мама. — Да при чем здесь характер? Если у меня в руках нету силы, а глаза после девяти вечера слипаются, то, каким бы ни был мой характер, я все равно уткнусь носом в подушку и просплю до следующего утра.

— У тебя просто нет цели, — улыбалась дочь. — Тебе и так хорошо.

— А тебе плохо? — удивлялась мама. — Ты посмотри вокруг! — обводила она рукой стены кухни. — Разве год назад мы могли подумать, что будем жить в таких шикарных условиях?

— К чему ты ведешь?

— Да к тому, что у меня теперь только одна цель — выдать тебя замуж и с внуками нянчиться.

Анна смешно кривила нос. Замуж... Да кому охота возиться с сопливыми малышами? Вот работа — это да... Возможно, ей и не придется лечить простуду у сопливых ребятишек. Нужно будет через год попробовать перевестись на другое отделение. Авось повезет и все-таки удастся стать хирургом.

В этом месте переставала думать о том, что говорила мама, и переключалась на прослушанные лекции, чтобы освежить в памяти пройденный материал. Мама только вздыхала и принималась бренчать тарелками, складывая их в мойку, очевидно, давая понять, что мечтала не о такой дочери. Наверняка бы ей хотелось, чтобы ее кровиночка не бредила скальпелями, операциями и тяжелобольными, а было бы просто замечательно, если бы дочка сидела в кресле с вязаньем или вышиваньем и делилась с ней житейскими новостями, пусть немного скучными, но такими важными.

Но что бы мама ни думала, вслух она этого не произносила. Хотя и очень хотела. Приходилось уважать выбор дочери, даже если и не могла с ним смириться. Как в свое время смирилась с желанием мужа по-работать на правительство. Смирилась, потому что любила. А когда любишь, то готова на все. Даже на смерть...

Сейчас Анна некоторое время напрягала слух, а потом успокоилась. Ничего особенного — ни чужих глаз, ни осторожных шагов. Это все ее взбудораженные нервы. Шутка ли, спать по три-четыре часа в день! Хорошо, что мама этого не знает. Иначе бы легла вместе с дочкой и строго-настрого запретила включать лампу под одеялом, как та обычно делает.

Аня натянула одеяло на голову и свернулась калачиком. В доме стояла пронзительная тишина. Даже папа давно лег спать. Завтра воскресенье. Единственный день, когда можно позволить себе поваляться подольше, и, казалось бы, одна только эта мысль должна унести ее в царство Морфея. Однако сон, словно нарочно, бежал прочь. Аня глазела на темный квадрат окна и пыталась привести свои мысли в порядок. Вот уже третью ночь она просыпалась в одно и то же время от странных шагов, едва различимых в ночной тишине. Пару раз до нее явственно доносился стук каблуков, а однажды в стену что-то ударило, как будто кто-то подал ей знак. Только что за знак? И кто может ходить за стеной, если там ничего нет? Бред какой-то...

Похоже, она действительно слишком много работает. Наверное, мама права. Женщины не такие выносливые, как мужчины, даже если старательно пытаются всем это доказать. Но себя не обманешь. Человеческий организм — очень хитрый механизм. Он не позволит себя истязать. Только тебе начнет казаться, что ты почти всемогуща, а тут раз — и случится сбой. Вот как сейчас. Вместо того чтобы спокойно поживать, она пялится в пустоту и думает непонятно о чем. Спать! Быстро спать! На неделе снова будут ранние подъемы и поздние укладывания. И как бы ни хотелось сделать для себя хотя бы

небольшую передышку, все равно ничего не получится, потому что такой у нее характер. А против характера не попрешь.

Анна сама не заметила, как уснула. И уже не слышала ни осторожных шагов, вновь прозвучавших за стеной, ни тихого, едва различимого разговора. Она мирно посапывала в своей кровати и видела сон. Вот она, молодая специалистка, стоит возле операционного стола, а лучшие люди страны доверяют ей свои жизни. Анна улыбается и протягивает руку за скальпелем. Ассистентки серьезны и почтительны. У них все готово. Анна строго следит за дисциплиной, абы кто рядом с ней не работает, только самые ответственные, самые лучшие, самые-самые...

Губы Анны приоткрылись, дыхание стало ровным и спокойным. Во сне она была, как никогда, близка к осуществлению своей самой заветной мечты.

— Анна, дрыхнешь? — послышался строгий голос отца, и Аня тут же распахнула глаза.

Несколько секунд она приходила в себя, пытаясь понять, где находится, и только когда взгляд остановился на лице папы, она облегченно вздохнула и широко улыбнулась.

— Если долго спать, проспишь все самое интересное, — сообщил отец и присел на край кровати.

Они очень любили друг друга. Иногда мама даже обижалась, считая, что ее отодвинули на второй план. Но Аня всегда находила слова, чтобы ее успокоить.

— Просто мы с папой на одной волне, — говорила она и целовала маму в щеку.

— Ну-ну... — вздыхала та и украдкой смахивала слезу.

А они и в самом деле были на одной волне. Анна, например, всегда точно знала, когда папа придет с работы. Тот же постоянно угадывал, чем ее порадовать. Он часто исхитрялся притащить что-нибудь вкусненькое, а ведь далеко не каждая семья могла похвастать продуктовым ассортиментом. Вернее, практически вся страна жила почти впроголодь, а папа умудрялся приносить апельсины и копченую колбасу. «Отхватил!» — говорил он в таких случаях и весело подмигивал. А мама тяжело вздыхала.

Аня не могла понять, почему мама не радуется возможности взять в рот ароматный кусочек колбаски и, закрыв глаза, наслаждаться неземным вкусом. Или положить на язык дольку апельсина и, нажав на нее зубами, ощутить на нёбе кисло-сладкий цитрусовый сок.

Пару раз она пыталась узнать, что же маму так расстраивает, но та лишь качала головой и переводила разговор на другую тему. Правда, папа тоже не стремился откровенничать с дочкой. Мало того, строго-настрого запрещал ей рассказывать подругам о продуктовых наборах, так радующих ее душу. Аня рано поняла, что в этой жизни есть некоторые вещи, о которых лучше помалкивать. Почему? Она и сама не знала, но какой-то безотчетный страх заставлял ее держать рот на замке.

— Сколько времени? — спросила Аня, сладко потягиваясь.

— Половина десятого, — усмехнулся отец. — Я уж было подумал, что ты прихворнула, раз до сих пор валяешься в постели.

— Ну как тебе не стыдно, Глеб? — возмутилась мама, заглядывая в комнату. — Девочка и так практически не спит! Дай ей отдохнуть как следует.

— А я разве не дал? — удивился отец. — Половина десятого! Эдак можно так себя расхолодить, что потом не соберешь.

Мама осуждающе покачала головой, но больше ничего не сказала.

— Как твои дела? — тихо спросил отец, так, чтобы не слышала мама. — Вигорский уже допустил тебя до операций?

— Пока я только готовлю инструменты, — так же тихонько ответила Аня. — Но очень скоро смогу бывать в операционной и наблюдать за его работой.

— Старайся, дочка. — Папа погладил ее по голове. — Только труд делает человека...

— ...человеком, — закончила она. — Правда, мама так не считает. Для нее самое главное семья и дети. Не понимаю, как вы вообще нашли друг друга?

— Ты осуждаешь маму? — грозно спросил отец, а у самого в глазах запрыгали смешинки.

— Вовсе нет. Я ее очень люблю. Но мне всегда казалось, что брак должен опираться на схожие интересы и общность взглядов, а у вас все... слишком разное, что ли...

— Ты ошибаешься, дочка. Мы смотрим в одну и ту же сторону. Только по-разному.

— А разве так бывает?

— Конечно, бывает.

— И в чем же схожесть ваших суждений?

— Мы оба хотим, чтобы ты была счастлива! — Папа щелкнул ее по носу.

— А разве это может быть целью всей жизни? — удивилась Аня.

— Только это и может. Что для человека самое главное? Оставить после себя след. А самый яркий и значимый след — это ребенок, твое собственное про-

должение. Ты — мое продолжение. И мамино. И мы оба тобой очень гордимся. Только я считаю, что тебе нужно больше работать, чтобы достичь результата, а мама, наоборот, хотела бы, чтобы ты сбавила обороты. Потому что волнуется за твоё здоровье.

— Как странно ты говоришь, — задумчиво произнесла Анна. — Я раньше никогда об этом не задумывалась. А получается, что ты прав.

— Конечно, я прав. Если бы мама работала так же много, как я, разве бы мы с тобой могли двигаться к нашим целям? Нет. Потому что нам бы пришлось организовывать быт вместо того, чтобы заниматься работой.

— Какой ты умный, папочка!

Анна потянулась и поцеловала отца в колючую щеку.

— А ты вся в меня. Беги, умывайся, завтрак стынет...

Аня откинула одеяло и пошлепала в ванную.

Вот уже год её семья жила в своей шикарной квартире на Берсеневской набережной, а она все не переставала удивляться этой роскоши. После барака с общей кухней и холодной водой, идущей по расписанию, просто не верилось этому счастью — жизни в собственной квартире со всеми удобствами, с широкой лестницей, с парадным и черным лифтами, а также с кинотеатром, магазинами, парикмахерской и спортзалом на первом этаже дома.

Она включила воду, и та веселой струйкой тут же потекла в белоснежную ванну. Надо же, прошел целый год, а её все еще поражали чудеса цивилизации. Когда Аня сообщила своим знакомым, что перебирается в этот дом, то увидела самую разную реакцию. В чьих-то глазах прочитала неприкрытую

зависть, в других — откровенный страх. Некоторые даже перестали с ней дружить, хотя раньше вполне мило общались. Особые разговоры вызвал десятый подъезд, в который перебралась их семья. Пашка Соболев точно что-то знал об этом подъезде, но на все расспросы отвечал неизменным молчанием. А потом и вовсе прекратил с ней разговаривать.

Аня пыталась выпросить причину такого его поведения у Пашкиных друзей, но те лишь недоуменно пожимали плечами. А потом она перестала обращать внимание на разговоры за своей спиной, посчитав их за черную зависть.

— Доча! Ты там уснула, что ли? — слышался голос отца.

Анна, быстро поплескав на лицо прохладную воду и наскоро утеревшись полотенцем, пошла на кухню.

На столе стояли тарелки, в которых дымилась горячая овсяная каша, на большом блюде лежали бутерброды с колбасой и сливочным маслом, в чашках розовело какао. Аня быстро шмыгнула на свое место и с удовольствием придвинула к себе кашу. Она всегда была непривередливой в еде, но когда выпадала возможность полакомиться чем-нибудь вкусненьким, никогда не отказывала себе в этом удовольствии.

— Папа, а ты по ночам ничего странного не слышишь? — вдруг решила спросить девушка, положив рядом с тарелкой бутерброд.

— Что значит — странного? — нахмурился отец.

— Ну, шаги, постукивание...

— Нет... — медленно протянул он и положил на стол ложку. — А ты разве слышишь?

— Иногда.

— Когда это было в последний раз?

— Вчера. И позавчера тоже.

Мама бросила быстрый взгляд на мужа, и Аня насторожилась.

— Но ты не можешь ничего слышать, — неожиданно хриплым голосом произнес отец. — Стена твоей комнаты примыкает к шахте лифта.

— И тем не менее я слышала, — упрямо повторила Анна и с вызовом посмотрела на отца.

В глазах у того засветилась неприкрытая тревога.

— По-моему, девочка переутомилась, — громко сказала мама. — Я же говорила, что нельзя столько времени проводить за работой. Организму нужен полноценный отдых. Особенно крепкий, здоровый сон. А ты, Анечка, полночи торчишь под одеялом с лампой, читая и портя глаза, а потом никак не можешь заснуть. Вот тебе и мерещится разная ерунда.

— Ты читаешь под одеялом? — грозно спросил отец, но в его голосе проскользнули фальшивые нотки.

— Откуда ты знаешь? — Анна удивленно воззрилась на маму.

— Ты не думай, если я ничего не говорю, это не значит, что я ничего не замечаю, — грустно ответила она. — Просто я не хочу лезть в твою жизнь и вторгаться в твое личное пространство. Однако от моих советов тебе все равно не отмахнуться.

— Вот что, доча, — решительно сказал отец, — с этого дня я запрещаю тебе ложиться спать позже полуночи.

— Папа! — воскликнула она. — Но я не успею подготовиться к лекциям!

— Значит, будешь уходить пораньше со своей практики. Мама права. Если тебе начали мерещиться всякие глупости, значит, пора приостановиться.

— Но ты же сам говорил: для того чтобы добиться результатов, нужно много работать! — со слезами на глазах воскликнула Аня.

— Говорил. И от своих слов не отказываюсь. Но иногда нужно немного передохнуть, чтобы набраться новых сил. И еще... — Он побарабанил пальцами по столу. — Пожалуй, в твоей комнате пора сделать ремонт.

— Но мы делали его год назад, — растерялась дочь.

— Мне разонравились обои. И окно требует починки. Скоро зима, опять будет дуть. Я найду мастера, который сделает все на совесть.

— А такие есть? — хмыкнула Анна.

— Найдутся. Особенно когда узнают, что ремонт нужно будет делать в этом доме.

— А наш дом какой-то особенный?

— Да, особенный. Его построили специально для тех, кто много сил отдает своей стране. А я тружусь, не жалея ни времени, ни сил. Люди понимают это и уважают наш труд. Потому и стараются.

Мама едва заметно фыркнула, но тут же сделала вид, что поперхнулась какао. Анна подозрительно посмотрела на нее, но та приняла невозмутимый вид, и девушка снова уставилась на отца.

— А мне почему-то кажется, что не уважают, а завидуют, — сообщила она и откусила от бутерброда с колбасой.

— И это тоже, — кивнул глава семьи. — Людям свойственна зависть. Особенно если вокруг нет равенства.

— Как это нет равенства?! — возмутилась Аня. — Разве революцию осуществили не для того, чтобы все люди стали равны?